

Жапарников не выбирают

ВИКТОРИЯ ДРАХ

Виктория Драх

Напарников не выбирают

Серия «Роденский туман», книга 4

<https://litres.ru/74459482>

SelfPub; 2026

Аннотация

Робин Грайс приехала в столицу, чтобы начать карьеру в убойном отделе Управлении порядка. Диплом мастера-некроманта у неё есть, желание работать — тоже. Казалось бы, что может пойти не так?

Практически всё.

Коллеги держатся особняком, начальник не скрывает неприязни, а новые соседи любого доведут своими выходками. Ещё и давняя знакомая куда-то запропастилась, а стоило Робин заинтересоваться этим делом, как единственную свидетельницу убили.

Хорошо, что для некромантки чужая смерть – не помеха.

Плохо, что мёртвым порой известно не больше, чем живым.

*Самостоятельный однотомник из серии «Роденский туман».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	38
Глава 4	55

Виктория Драх

Напарников не выбирают

Глава 1

Ощущение нереальности происходящего не покидало меня с той самой минуты, как родной Редстоун за окном поезда сменили неспешно проплывающие густые леса и зелёные цветущие холмы. Мне всё время казалось – сейчас что-нибудь произойдёт, на очередной станции в купе заглянет наставник, сочувственно улыбнётся, печально качнёт седой головой и скажет что-то вроде: «Извини, Бин, со столицей не вышло. Возвращайся домой».

Конечно, ничего подобного не случилось. Да и наставник, если уж чего-то хотел, обязательно этого добивался. А для меня мастер Горран видел только один путь после завершения обучения – переезд в Роден.

«В Редстоуне ты загнёшься», – недовольно закатив глаза, отвечал он на вопрос, почему я не могу остаться. – «Это болото мелковато для тебя даже сейчас! Просто ты в силу отсутствия опыта и воображения не представляешь, что можно жить совершенно по-другому!»

Месяц назад, когда наставник привёз меня в Роденский Университет сдавать экзамены на звание мастера, я нако-

нец-то поняла, что он имел в виду. Я всегда считала Редстоун крупным городом. У нас целых три завода было, а улиц столько, что за день невозможно все обойти! Лишь увидев Роден своими глазами я осознала, насколько узкими были границы мира, в котором я жила.

В сравнении с нарядной цветущей столицей, её широкими улицами, многочисленными автомобилями, высокими зданиями, яркими витринами магазинов и толпами людей мой родной город смотрелся скромной деревушкой. Да один только университетский кампус занимал большую площадь, чем крупнейший квартал Редстоуна! Что уж говорить о вечно грязных по весне улицах и одинаковых, будто под копирку, домах из красно-бурого камня...

В тот момент я впервые пожалела, что некроманты – единственные маги, для которых предусмотрено исключительно домашнее обучение. Слишком редко встречался этот дар, чтобы создавать ради таких, как я или мастер Горран, отдельную университетскую программу. Да и совладать с силой юного некроманта неподготовленному учителю не вышло бы. Хотя как здорово было бы жить вместе с другими студентами, ходить на занятия, а то и завести друзей среди магов...

Я даже подумала, не поступить ли в университет теперь, когда никто не посмеет усомниться в стабильности моей силы, но наставник меня обломал: получение звания мастера приравнялось к завершению обучения на магическом фа-

культете. Всё, доучилась, хватит!

Обида на несправедливость до сих пор ворочалась где-то в глубине души. Хотя догадаться, что университет мне не светит, я могла ещё при сдаче экзаменов. Гоняли-то меня на них не только по некромантии! Наоборот, у меня сложилось впечатление, что в навыках, касавшихся непосредственно моего дара, ни у кого сомнений не было. Зато на истории государства и магическом законодательстве меня едва не завалили!

Сдав экзамены, я наконец-то стала полноценным самостоятельным некромантом, а не «кочерыжкой с гонором», как порой в минуты гнева называл меня наставник. Звучало это не обидно и даже смешно, и хотя моё веселье только сильнее злило мастера Горрана, сдержаться у меня получалось не всегда.

Ругаться по-настоящему при девчонке – то есть при мне – наставник был не в состоянии. Однако гнев после некоторых моих шалостей требовал выхода, поэтому вместо слов, от которых вяли уши даже у пропахших потом рабочих (и которые я выучила ещё в приюте, но при учителе умудрилась ни разу не проколоться) в речи мастера Горрана появились «кочерыжка с гонором», «некромантка недозрелая», «кривая морковка», «поросль-недоросль», «тыква выпотрошенная», «попа огуречная» и множество других, не менее красочных сравнений. Вместо чувства вины эти выражения вызвали стойкое желание сотворить очередную пакость, что-

бы проверить, как далеко способна зайти фантазия наставника.

Ух, сколько раз я проверяла выдержку мастера Горрана на прочность случайными ошибками и намеренными проказами... Но нет, ни одного по-настоящему бранного слова не вылетело из его рта с тех пор, как престарелый и давно отошедший от дел некромант обзавёлся малолетней ученицей.

Ни разнесённая в щепки кухня (случайно силу не удержала), ни сплясавший на глазах всей улицы свежеподнятый мертвяк (это было поздравление на день рождения для любимого учителя!), ни даже приклеенная к полу обувь (а это я обиделась, хотя уже не помню, на что) не заставили мастера Горрана выругаться по-настоящему.

Даже не представляю, скольких нервов ему это стоило. Благовоспитанным и почтительным ребёнком я точно не была, но наставник терпеливо выносил любые мои взбрыки и продолжал учить несмотря ни на что.

Кажется, за все годы мастер Горран только один раз искренне пожалел, что поддался на уговоры своего друга и забрал меня из приюта... И вовсе не мои шалости послужили тому причиной.

Когда мне исполнилось двенадцать, соседка, Нора Ольсон, постучалась к нам домой и заявила: «Обучение – это, конечно, хорошо, но у вас, уважаемый Горран, растёт *девочка*. И ей пора бы носить лифчик!»

В тот момент на мастера Горрана снизошло озарение – на

девочку я была совершенно непохожа. Вечно грязные и лохматые едва прикрывавшие уши волосы, обгрызенные ногти, штаны с заплатками, кепка набекрень и растянутая вязаная жилетка делали меня точной копией мальчишек, с которыми я предпочитала проводить свободное от учёбы и домашних дел время.

Мастер схватился за голову и взвыл, осознав, как много упустил в моём воспитании.

Следом, оценив последствия, взвыла уже я.

Свобода закончилась. Мои волосы привели в порядок, превратив неровные лохмы в изящную стрижку. Штаны оказались выброшены, и вместо них меня втиснули в платье. К неудобным туфлям с отвратительными розовыми бантиками прилагались вечно норовившие сползти чулки. Сковы- вающие движения тряпки бесили до зубовного скрежета и попыток открытого бунта, но мастер Горран оказался непреклонен. Теперь я должна была одеваться только так.

В моём расписании помимо привычных предметов появились этикет, культура речи и – ужас какой! – танцы. Однако наставнику и этого показалось мало, поэтому через пару лет, когда мой нестабильный развивающийся дар перестал быть угрозой для окружающих, мастер Горран умудрился запихнуть меня в школу-пансион для юных девушек! Тот факт, что я единственная из всех воспитанниц после занятий отправлялась домой (не отдыхать, как думали многие, а ломать зубы о гранит магической науки), вовсе не сделал меня все-

общей любимицей. Пребывание в обществе «приличных и воспитанных» сверстниц превратилось в ежедневную пытку.

Обучение «девчачьим наукам» с самого начала вызывало во мне стойкое внутреннее сопротивление. Зачем становиться похожей на тех, кто откровенно тебя презирает и ненавидит? К тому же по жизни в приюте я помнила – девчонки слабы. Они не способны дать отпор, защититься, даже элементарно отстоять своё право на личные вещи...

Однако мастер Горран сумел убедить меня: *воспитанная леди* – это не девчонка. *Воспитанную леди* в любом обществе будут принимать и уважать. Её не посмеют тронуть. Сила *леди* не в кулаках, а в манерах и уме.

Я всё ждала, когда же эта обещанная наставником сила мне откроется, но ничего не менялось. То ли у меня так и не получилось стать *воспитанной леди*, то ли мастер ошибался. Первое было неприятно лично для меня, а верить во второе не хотелось. К тому времени наставник всё-таки смог стать для меня непререкаемым авторитетом, и утратив его, я потеряла бы единственную опору в жизни.

Самое обидное – *новая Бин*, в которую я неумолимо превращалась, перестала быть «своим парнем». Попытки следовать наставлениям мастера Горрана разверзли пропасть между мной и всеми, кого я считала своими друзьями. Несмотря на заверения, что внутри я всё та же, прежняя, теперь все видели во мне исключительно девчонку. Пусть друзья пытались принять произошедшие со мной изменения, но

платье и туфли, а зимой – пальто и сапоги больше не позволяли мне угнаться за ними. Во всех смыслах.

Да и отношение простых людей к некромантам сыграло свою роль... Те же мальчишки, ещё несколько лет назад надувавшиеся от гордости за то, что с ними дружит настоящий некромант, теперь предпочитали держаться от меня подальше. Дружба дружбой, но со временем воспитание изменило и их тоже.

К пятнадцати годам я могла с полной уверенностью сказать, что друзей у меня нет. Подруг – тем более, девчонки из пансиона гадюками шипели мне в спину, хорошо хоть на открытый конфликт не нарывались. Боялись, что прокляну, хотя наставник строго предостерёг меня от подобных опрометчивых действий. Но откуда глупым курицам, озабоченным исключительно рукоделием и домашним хозяйством, было об этом знать?

И вот мне двадцать один. Впервые за долгое время я оказалась совсем одна. Наставник остался в Редстоуне, категорически отказавшись ехать со мной в столицу. Мастер Горран искренне верил, что пришло время мне стать самостоятельной и прокладывать свой собственный путь.

С каждой станцией, пройденной длинным, пропахшем угольным дымом, копотью свечей и дешёвой снедью поездом, я отдалялась от привычной и почти беззаботной жизни. Тоска то и дело сжимала сердце, а в душе с каждым оставленным позади городом расцветали сомнения: действитель-

но ли мастер был прав? Справлюсь ли я, смогу ли оправдать его доверие или вернусь побитой собакой обратно ему под крыло?

Нет, ни за что! Я решительно мотнула головой, словно пытаясь выбросить из неё отвратительную мысль. Разочаровать мастера Горрана нельзя ни в коем случае! Если он считает, что моё место в Родене – значит, так и есть!

Это всё дорога. Долгая, монотонная, невыносимо скучная, она путала мысли и навевала сомнения. В поезде оказалось слишком тихо и спокойно, ужасно непривычно, вот и лезла в голову всякая чушь. Правильно наставник говорил: безделие – зло! Всего двое суток без работы по дому и выматывающей до обмороков учёбы, и я, кажется, схожу с ума!

– Что, деточка, тошно?

Заметив моё состояние, госпожа Кейн отложила вязание и с участием на меня уставилась в надежде на до-о-олгий душевный разговор.

Я неопределённо пожала плечами, в последний момент сдержав желание цокнуть языком и закатить глаза.

Воспитанные леди так не делают.

Навязанная наставником попутчица бесила едва ли меньше, чем дорожная скука. Мне капитально не повезло: из всех знакомых мастера Горрана именно госпожа Долорес Кейн внезапно захотела посетить столицу в то же время, что и я. У этой *благовоспитанной и уважаемой* женщины было лишь два таланта: вязать и болтать. В Редстоуне мне всегда удава-

лось улизнуть из дома во время дружеско-соседских визитов госпожи Кейн, но в поезде прятаться оказалось некуда.

– Может, чаю выпьем? – не дождавшись ответа, предложила попутчица.

К горлу подкатила тошнота. Нет, чай я любила, особенно такой, как заваривал наставник: с сушёными ягодами и обильной огромной ложкой мёда. Однако чай госпожи Кейн полагалось пить вприкуску с заготовленными в дорогу жареными пирожками с квашеной капустой.

Воняли они просто невыносимо. Даже мой организм, изрядно поголодавший в детстве, категорически сопротивлялся заталкиванию в себя этой дряни. Полная корзина пирожков стояла на столике, надёжно прикрытая заклипсой. В начале пути госпожа Кейн сердечно поблагодарила меня за помощь в сохранении свежести продуктов, не подозревая, что я спасала вовсе не пирожки.

Я пыталась спасти себя.

Когда заклипса была снята в первый раз, ароматы прогоревшего масла и кислой капусты распространились по вагону со скоростью пожара, заставив попутчиков из соседних купе распахнуть двери и выглянуть в коридор в поисках источника жуткой вони. К счастью, двух прилично выглядевших женщин никто не заподозрил в диверсии.

От ужинов и чаепитий я с того момента отказалась. Обедать мы с госпожой Кейн ходили в вагон-ресторан – против аргумента, что мне жизненно необходим горячий суп хотя

бы раз в день, заботливая женщина возразить не смогла. Завтракать мне пришлось яблоками, мелкими и настолько кислыми, что скулы сводило. Мастер Горран моей любви к ранней кислятине не разделял, но никогда не ограничивал, а перед отъездом сам вручил мне авоську, полную мелких зелёных и твёрдых фруктов. Сказал – в столице я такие вряд ли найду.

Интересно, знал ли мастер Горран о пристрастии госпожи Кейн к квашеной капусте? Ни за что не поверю, что нет! Тот у него такое ехидное выражение лица было, когда он нас провожал...

Я ведь хотела ехать одна, но наставник упёрся: *воспитанные леди* в одиночку не путешествуют! Ну да, ну да, конечно. Как ночью кладбище проверять после жалоб горожан на странные звуки, так топай сама, справишься, не маленькая. А как в купе трое суток посидеть со случайным попутчиком – ни в коем случае, мало ли что!

Возникло, правда, у меня подозрение, что «мало ли что» – это не «со мной что-то случится», а «я натворю ерунды без присмотра»... Но наставник в этом так и не признался.

Госпожа Кейн, не дождавшись от меня ответа, укоризненно покачала головой и потянулась к корзине с пирожками. Я сняла заклятие стазиса и, отговорившись желанием размяться, сбежала из купе. Ноги сами понесли меня к вагону-ресторану: хороший чай действительно не помешает, даже если за ним нужно идти через половину поезда. Всё, что угод-

но, лишь бы не нюхать проклятую капусту!

Подстраивая шаг под едва уловимое покачивание, я прошла насквозь два вагона второго класса. Мягкие тёмно-красные ковры и обшитые деревом стены скрадывали звуки, однако в полуоткрытом тамбуре, при переходе из одного вагона в другой, железный стук колёс и свист ветра буквально оглушали.

И зачем только наставник навязал мне в попутчицы госпожу Кейн? Эти дрожащие под ногами мостики между вагонами, ограждённые лишь тонкими ажурными перилами, были единственным по-настоящему опасным местом в поезде. Случись что со мной именно здесь – госпожа Кейн ничего не сможет сделать. Упавшему между вагонами даже некромант не поможет.

Попутчиков же я, в отличие от наставника, не боялась. За свою короткую жизнь я успела насмотреться на всякое и сейчас отлично видела – никто из мужчин или женщин, мирно обедавших в тускло освещённом вагоне-ресторане, не представлял для меня угрозы. Вторым классом путешествовали вполне приличные люди, на которых где-то в городе я даже не обратила бы внимания.

Впрочем, я всё равно старалась держать ухо востро и не расслабляться, просто чтобы не проваливаться в сон, навеваемый ритмичным перестуком колес. Проигнорировав аппетитные кремовые розочки на пирожных – выглядело вкусно, но ценник на них оказался неприлично завышен – я за-

казала чай с самым простым печеньем и заняла одиночное кресло у окна.

С моего места было отлично видно витрину, уставленную разнообразными кондитерскими яствами, а также компанию из двух девушек и парня, разглядывавших, как и я недавно, розочки на пирожных. По долетавшим до меня обрывкам разговора я поняла, что девушки ехали вместе, а вот парень с ними познакомился только что. Казалось бы, ничего необычного... Если бы рука парня, рассказывавшего какую-то весёлую историю одной из девушек, не шарила прямо у меня на глазах в сумочке её подруги!

Я едва не фыркнула вслух. Неужели, говоря об опасности одиночных путешествий, наставник имел в виду *это*? Да ну нет, не мог мастер Горран настолько меня недооценивать!

Парень тем временем вытащил кошелёк у пускавшей слюни на выпечку клуши и «обработал» её подругу самым классическим образом: якобы запутался в собственных ногах, навалился на развесившую уши девчонку и обчистил её тоже.

Ха, дилетант. Кто ещё может настолько явно работать в замкнутом пространстве, лишённом путей отхода? Я отлично видела всё происходящее, и, если сейчас подниму шум, воришке будет некуда деться из движущегося на всех парах поезда!

Впрочем, внимание я решила не привлекать. Пока до окружающих дойдёт, что происходит, вор успеет сбросить

оба кошелька. А уж если у парня хватит сноровки в суеде вернуть чужое имущество на место, мне и вовсе придётся как-то доказывать, что кража не примерещилась мне со скуки.

Но и просто сделать вид, что ничего не происходит, я не смогла.

Расстегнув ремешок туфли, я незаметно подошла к веселящейся у витрины компании и с громким «Ой!» навалилась на парня, в точности повторив его недавний манёвр. Оба кошелька переключались в мой карман.

– Я вас не задела? Вы в порядке? – запричитала я, хватаясь поочерёдно за всех, до кого только дотянулась – досталось даже сидевшим за ближайшим столиком зевакам. – Простите, я случайно... Ой!

Очередная «попытка» удержаться на ногах очень удачно завершилась подвернувшейся лодыжкой, слетевшей туфлей и падением на недавнюю жертву ограбления. Минус кошелёк, осталось второй вернуть... Изобретать новую уловку не пришлось – девушка сама бросилась мне на помощь. Через пару минут громких извинений с моей стороны и заверений от всей троицы, что я ничуть не причинила им неудобств, обе подруги воссоединились со своим имуществом, а я – с потерянной обувью.

Спектакль удался на славу. Прихрамывая, я неспеша вернулась на своё место, а девушки, ещё раз поглазев на витрину, печально посетовали на грабительские цены и ушли,

так ничего и не купив. Ну и хорошо, достань они кошельки прямо сейчас, воришка точно понял бы, в чём дело. Пусть теперь гадают, это я постаралась – манёвры-то у меня были не самые незаметные, или он сам не заметил, как нарвался на обчистившего его конкурента.

Пока я развлекалась спасением невинных дев, официант принёс мой заказ. Горький, лишённый привычного ягодного вкуса чай и простое овсяное печенье как никогда ярко продемонстрировали: всё, детство закончилось. Мастер не придёт на помощь, если я куда-то вляпаюсь, не встретит вечером дома, не накормит вкусным сытным ужином... Теперь я сама по себе.

Тоскливую мысль я отогнала, уже привычно потрянув головой. Во всём виноват проклятый поезд!

Покосившись в окно, я вздохнула. Ещё полдня, и эта попытка закончится.

Глава 2

Роденский вокзал встретил меня непривычной духотой. В Редстоуне в начале лета вечерами было слишком холодно, чтобы гулять без куртки, но здесь я в первые же минуты пожалела, что платье на мне слишком тёплое. Огромный тяжёлый чемодан, который я с трудом спустила по ступеням на перрон, приятных ощущений не добавлял. Я была слишком вымотана дорогой, чтобы порадоваться, что она наконец-то закончилась.

А ещё безумно хотелось помыться.

Едва выбравшись из вагона, я принялась оглядываться, пытаюсь вспомнить, куда нужно идти. Знакомые ориентиры, как назло, не находились – в прошлый раз мы с наставником прибыли в Роден днём, а сейчас, почти ночью, вокзал преобразился до неузнаваемости. Стены неопределённо-го светло-бежево-серого цвета в свете ярких магических фонарей казались жёлтыми, а витражи в окнах горели яркими разноцветными огнями. Со всех сторон, куда не обернись, можно было заметить длинные пляшущие тени. Под куполом огромной закрывавшей платформы крыши тоже зажглись фонари, из-за чего казалось, что над головой сияют сразу несколько маленьких солнц.

Долго глазеть по сторонам у меня не вышло. Всего за пару минут перрон заполнили покидавшие поезд пассажиры,

которые кричали друг другу и друг на друга, толкались, пихали соседей неповоротливыми чемоданами и двигались совершенно хаотично.

После нескольких тычков под рёбра и обеих отдавленных ног я поняла, что поторопилась распрощаться с госпожой Кейн. Помнится, в Редстоуне на рынке она могла проложить дорогу в любой толпе! Я же, мелкая, с чемоданом размером в половину меня, наверняка наставившем мне десяток синяков на ногах, сопротивляться течению оказалась не в состоянии. Поток наконец определился с направлением и неумолимо понёс меня прочь от пыльных вагонов. Всё, что мне оставалось – держаться покрепче за свои вещи и стараться не споткнуться. Если упаду, меня точно затопчут.

Очередной вонзившийся в бок локоть заставил меня прикусить язык, сдерживая рвущиеся наружу ругательства. Что-то я не припомню, чтобы мастера Горрана кто-то посмел отпихнуть с дороги! Да на него даже посмотреть косо опасались... И общались с ним всегда вежливо, не то, что со мной!

За несколько показавшихся вечностью минут, пока меня несло к выходу, я успела послушаться про «приезжих клуш, раззявивших рот», «тупых провинциалок» и «недалёких дур, не умеющих смотреть под ноги». Не меньше эпитетов получал мой чемодан, но на него я и сама была готова ругаться вслух. Слишком часто толпа пыталась меня с ним разлучить.

Внезапно свежий ветерок взъерошил мою и так постра-

давшую в давке причёску. Толпа резко схлынула в разные стороны, и от неожиданности я едва не уронила чемодан, до сих пор не столько висевший у меня в руке, сколько державшийся зажатый между чужих боков.

Вдохнув прохладный, пахнувший совершенно незнакомо воздух, я застыла, разглядывая освещённую фонарями широкую улицу, подсвеченные изнутри витрины магазинчиков и проезжающие мимо бесчисленные разноцветные автомобили, большинство из которых щеголяло аккуратно сложенными кожаными крышами. Дома таких я почти не видела — у нас же холодно!

Осознание накрыло внезапно: я в Родене! Всё, унылая дорога позади, а впереди новая работа, знакомства, изучение самого магически продвинутого города государства и настоящая взрослая жизнь! Наконец-то!

В этот момент меня ощутимо толкнули в спину, а затем, не стесняясь в выражениях, объяснили, что я опять преградила кому-то путь. Тьфу, а ещё столица... Слышал бы наставник, как тут разговаривают, всем бы рот с мылом вымыл!

А мне заодно и уши, для профилактики.

Пока я подбирала слова, чтобы вежливо, но доходчиво послать невежу куда подальше, на мою голову свалилась новая неприятность. Омнибус с подсвеченным номером «5» на боку проехал мимо, издевательски подмигнув фарами.

В расписании он значился, как последний.

Насквозь промокшая юбка облепила ноги и мешала идти, в туфлях отвратительно хлюпало, а по лицу стекали ледяные капли. Чемодан же спустя полчаса «прогулки» потяжелел, кажется, раза в три и вызывал стойкое желание его бросить. Останавливало только одно: там были все мои вещи!

А виновата во всём моя жад... экономность. Платить за кэб я не захотела, решила добираться пешком. Подумаешь, несколько улиц пройти! Мой кошелёк и так неприлично похудел за несколько дней путешествия, извозчика я уже не могла себе позволить без риска остаться под конец месяца голодной.

К счастью, мне не нужно было думать о поисках гостиницы. Мастер Горран позаботился о том, чтобы мне было куда идти в незнакомом городе на ночь глядя. Через объявления в газетах наставник договорился об аренде небольшой квартирки в доходном доме, так что мне оставалось только добраться до него, встретиться с хозяйкой и получить ключи. За первые два месяца мастер внёс оплату сам – моих скромных накоплений на это не хватило бы. Ну а дальше уже мне придётся платить за собственное жильё из своей же зарплаты стажёра – настоящей, почти полноценной, а не тех жалких подачек, которые я получала за подработки в Редстоуне.

Мысль о том, что завтра у меня начнётся совершенно новая жизнь, взбодрила. Остался последний рывок, всего одна улица, и я наконец-то смогу принять нормальный тёплый душ!

Однако до него ещё нужно было добраться.

По карте, предусмотрительно добытой для меня мастером Горраном, казалось, что идти не так уж далеко. Вокзал — к юго-востоку от центрального района, арендованная квартира — на юго-западе, всего в нескольких улицах...

В Редстоуне над таким расстоянием я бы посмеялась. В Родене смеяться уже не хотелось.

Первую улицу я преодолела бодро, радуясь, что покинула надоевший до зубовного скрежета поезд. Вторая тянулась так долго, что я начала сомневаться в своей затее. А стоило мне ступить на третью, как над головой разверзлась бездна, меньше чем за минуту превратившая неровную дорогу в бесконечную лужу и промочившая меня до белья.

Яркая молния на миг осветила пустынную залитую водой улочку, а раздавшийся сразу после раскат грома заставил меня присесть от неожиданности. Ну и погодка!

В очередной раз перехватив чемодан «отдохнувшей» рукой, я упрямо продолжила свой путь. Больше половины уже пройдено, сдаваться сейчас будет просто неприлично! Да и не было у меня такой возможности: кэбы остались у вокзала, а здесь уже не то, что автомобилей, даже фонарей, кажется, стало меньше!

Когда нужный дом наконец-то появился в пределах видимости, сил порадоваться не осталось совсем. Чемодан оттянул руку так, что я её почти не чувствовала, а в горле и носу противно свербело. Кое-как протиснувшись мимо тяжёлой

двери, так и норовившей закрыться и прищемить мне что-нибудь, я забрала ключи у нетерпеливо поджидавшей меня хозяйки и отправилась исследовать своё новое жильё.

Второй этаж – уже хорошо, на третий, боюсь, чемодан я бы не допёрла. Ключ слегка заедал в замочной скважине, а может мои руки от холода перестали нормально двигаться, но дверь я открыла далеко не с первой попытки.

Через окно, лишённое всяких ставней и занавесок, в квартиру не проникало абсолютно никакого света – на улице за ним не оказалось ни одного фонаря. Выключателя для магического освещения я не нашла, так что пару минут спотыкалась в темноте, пока не обнаружила привычную масляную лампу. Странно, я думала, в Родене абсолютно всё работает на магии...

Со светом осмотр пошёл быстрее. Хотя тут и осматривать, в общем-то, было нечего. Одна комната, тесная настолько, что в ней с трудом поместились кровать, небольшой шкаф и стол. В маленькой нише буквально два шага шириной нашлись холодильник и плитка. Артефактные, что уже радовало – пользоваться ими я умела. За узкой дверцей – уборная с унитазом и мелкой лоханью, выполнявшей одновременно роль ванны и раковины. Полежать и погреться, как я мечтала всю дорогу, в ней не вышло бы, но просто помыться – сойдёт.

Неразобранный чемодан возвышался посреди комнаты, заняв единственное свободное пространство пола, но мне

уже было всё равно. Сбросив одежду прямо на пол – всё равно стирать – я полезла в лохань, предварительно убедившись, что из-под крана идёт горячая вода.

Завтра буду обживаться, а на сегодня хватит с меня подвигов.

Задолбалась.

*

Вместо будильника меня разбудили соседские вопли. Спросонок мне почудилось, что кого-то убили, но оказалось – наоборот. Пропавший полторы недели назад муж, которого уже не чаяли увидеть живым, вернулся домой целым и невредимым, зато с похмелья, без зарплаты и с чужим чулком вместо галстука. Попал мужик...

Зевнув, я попыталась устроиться поудобнее и урвать лишний час сна, но быстро осознала бесперспективность затеи. Жена «упыря болотного» и «кобеля подзаборного» утихать не собиралась. То, что её ругань слушает не только приползший после загула муж, но и все ближайшие соседи, женщину нисколько не заботило.

Кое-как я заставила себя подняться и сделать зарядку. Мышцы немилосердно ныли после вчерашней прогулки. Хорошо хоть насморк так и не начался – поистине лошадиное здоровье в очередной раз спасло меня от последствий моей же глупости.

Чемодан возвышался посреди комнаты укоризненным памятником лени. Оценив комнату ещё раз при свете дня, я

всерьёз задумалась, как буду её обживать. Маленькое узкое окошко оказалось жутко грязным, и грязь эта явно служила заменой отсутствующим шторам. В узком шкафу не поместился бы даже мой скромный гардероб. На узкой кровати – такое же узкое одеяло, в которое я всю ночь безуспешно пыталась завернуться. Даже проход между стеной и кроватью был узким настолько, что я протискивалась в нём боком!

Я никогда не считала себя избалованной, но сейчас мне казалось, что вместо квартиры меня поселили в кладовку. У мастера Горрана она как раз была примерно такого же размера!

За окном вместо относительно чистой улицы, по которой я шла вчера, оказался замусоренный и заросший двор шириной шагов пять, а за ним – сплошная кирпичная стена ещё одного доходного дома. Чтобы увидеть небо, нужно было бы высунуться наружу по пояс, однако намертво заколоченная рама не позволяла этого сделать.

Интересно, мастер Горран знал, где я буду жить? Вряд ли, скорее – схватился за единственный доступный вариант...

Документы на стажировку в Управлении порядка я подала сразу после получения звания мастера, однако ответа мы с наставником дожидались слишком долго. Из-за задержки мы упустили квартиру, в которой жили, пока я сдавала экзамены – за это время в неё заселился кто-то ещё. Пришлось подбирать жильё вслепую, по объявлениям, рассчитывая исключительно на честность и порядочность хозяев. Зря рас-

считывая, судя по всему. На «уютную квартиру в хорошем районе, совсем недалеко от центра» это место никак не тянуло.

Моё предложение пожить пару дней в гостинице и самой найти жильё наставник отнёс категорически. «Нечего приличной девушке одной в гостевом доме делать!» – как наяву я услышала скрипучий старческий голос и фыркнула.

Видел бы он, где я в итоге оказалась!

На раскладывание моих скромных пожитков по квартире ушло совсем немного времени. Было бы, что и куда раскладывать! Куда дольше я просидела над большим свёртком, полном вязаных носочков, свитеров, разноцветных шарфов и даже длинных шерстяных чулок, пытаюсь понять: что это и откуда оно взялось в моих вещах? Первой мыслью было, что незнакомую одежду мне подсунула госпожа Кейн, однако свитера оказались на пару размеров велики. Глазомер Долорес Кейн ещё никогда не подводил, так что пришлось признать, что эта одежда предназначалась не мне.

Наконец я вспомнила, как за неделю до моего отъезда к нам заходила соседка, Нора Ольсон, и просила передать подарки для её старшей дочери, жившей в столице. Свёрток я сразу бросила на дно чемодана, а адрес Лоры... кажется, я положила его к своим документам, чтобы не потерять? Точно, нашла! На конверте, адресованном госпоже Ольсон, значился и обратный адрес в Родене.

К сожалению, улица, на которой жила Лора Ольсон, ока-

залась ещё дальше на западе, чем моя, совсем не по пути в Управление. Придётся выделить время на выходных или попробовать дойти вечером, после работы... Интересно, а у меня получится вызвать Лору через связник и договориться о встрече?

Шансы были невелики – с соседской девчонкой я почти не общалась несмотря на то, что мы были ровесницами. В последние несколько лет, с тех пор как Лора переехала в Роден, мы и вовсе не виделись. Связаться с тем, кого практически не знаешь, бывало затруднительно. Да и был ли у Лоры связник? В бедном на магию Редстоуне эти артефакты ментальной связи не пользовались популярностью – активно ими пользовались только богачи да редкие в наших краях маги. Может, Лора по привычке так и обходится без него?

Сами по себе связники были удобными и невероятно простыми в использовании – для активации достаточно было сжать кругляш в кулаке и мысленно представить того, с кем хочешь поговорить. Работали эти артефакты даже в условиях сниженного магического фона, а расстояние не было для них помехой, однако, как любой магический предмет, связники периодически требовали зарядки.

В этом и крылся главный подвох: почти все маги страны предпочитали жить в Родене, поближе к источнику. Чем дальше от столицы, тем сложнее было найти мастера, способного пользоваться своей силой, и тем дороже становились услуги этого умельца. Поэтому, несмотря на все удоб-

ства связников, за пределами Родена они были слабо распространены. Кто знает, переняла ли Лора привычки столичных жителей или так и обходится почтой? Но попробовать связаться всё-таки стоит, вдруг повезёт?

Живот забурчал, намекая, что пора бы позавтракать. Я без особой надежды заглянула на полки в кухонной нише, но там оказалось пусто. Ни баночки забытого предыдущем жильцом варенья, ни хотя бы завалявшегося мешочка с остатками какой-нибудь крупы...

На то, чтобы искать поблизости магазин, идти туда, а затем возвращаться и готовить завтрак, времени уже не осталось, так что я опять завтракала кислыми яблоками. На этот раз – даже без чая. А я-то думала, что как сойду с поезда, начну наконец нормально питаться... Ага, размечталась.

Яблоки голод только раздражили, и я с тоской подумала, что сейчас согласилась бы даже на пирожки госпожи Кейн. Нос бы зажала и съела, не поморщившись. Хотя... Воспоминание о жутком запахе оказалось настолько ярким, что притупило чувство голода. Ну, хоть что-то.

Смявшуюся за время путешествия одежду я разгладила заклиниванием. Мастер Горран за такое обязательно настучал бы мне по рукам – от магического воздействия ткань портилась – но здесь мастера Горрана не было. А часы, отсчитывавшие минуты до моего первого рабочего дня – были. На поиски общего утюга времени не оставалось. Да и сомнительно, что в таком доме могло найтись хоть что-то общее,

но поискать, как будет время, я всё-таки попробую.

Если не найду – придётся тратиться на собственный. На замену испорченного магией гардероба денег у меня точно не найдётся.

*

Мало того, что роденские омнибусы ходили по весьма странному расписанию, так ещё и народу в них набивалось столько, что я, прикинув свои силы, поняла – либо я еду на приступке и рискую вывалиться на очередном повороте, либо закаляю свой организм ежедневными пешими прогулками.

В итоге дорога от дома до Управления порядка заняла примерно сорок минут. Чуть больше, чем я рассчитывала изначально, но я всё равно решила по возможности и дальше ходить пешком. Сэкономленные монеты были немедленно потрачены на свежую, только-только вынутую из печи буханку хлеба, которую я, безжалостно отгрызая огромные куски и не обращая внимания на косые взгляды прохожих, съела по пути. Плевать на манеры, я голодная!

Чем ближе я подходила к центральным районам Родена, тем очевиднее мне становилось: родной Редстоун абсолютно справедливо считался приграничным захолустьем. Дальше нас от столицы был только Таммин – самое северное поселение страны, которое и городом-то можно было назвать с большой натяжкой.

Впрочем, у Редстоуна было одно неоспоримое преимуще-

ство перед любым другим городом. Несмотря на удалённость от столицы, многие маги, кроме самых слабых, могли там практически свободно пользоваться своими силами. Роден был построен вокруг собственного магического источника, единственного в нашем государстве. А вот Редстоун питали отголоски силы, долетавшие из Норвестля.

Страна техномагов, расположившаяся на полуострове, была со всех сторон защищена огромным магическим куполом. Как гласила официальная версия – чтобы шпионы не воровали секреты их учёных. Менее официальная теория намекала: купол не столько защищает от проникновения извне, сколько не даёт самим учёным покинуть родной край. Ну а в Редстоуне любая собака с без сомнений вам скажет: купол нужен, чтобы магия из источника Норвестля не растекалась за пределы полуострова.

Помогало, правда, так себе – я в Редстоуне колдовала почти свободно, а мастер Горран и вовсе не чувствовал разницы с Роденом. Однако горожан, уверенных, что их в чём-то обделяли запершиеся на полуострове соседи, было не переубедить.

Если Роден был столицей во всём – и государственной, и магической, и обладатели самых тугих кошельков селились именно здесь, то Редстоун можно было смело назвать магической провинцией. По всей стране было не так много мест, где маги не теряли свои силы, но за пределами Родена только в Редстоуне такое «место» было размером с целый город.

Когда я впервые приехала в Роден, чтобы сдать экзамены, я в полной мере ощутила разницу между магией Редстоуна и столицы. Наставник специально привёз меня за неделю до назначенной даты и за короткий срок заставил повторить чуть ли не всю практическую часть обучения некроманта. Непривычно послушная сила то и дело вырывалась из-под контроля, и мне, привыкшей к куда более скудному магическому фону, пришлось из шкуры вон вылезти, чтобы не завалить экзамен в таких условиях.

Сейчас я вновь ощущала, как бурлит в крови требующая выхода магия. Придётся быть осторожнее и сдерживаться, чтобы не выпустить силу из-под контроля. Вряд ли в Родене обрадуются массовому появлению беспокойников. Как бы стажировку случайно не завалить...

Предстоящее знакомство с коллегами тоже добавляло беспокойства. С кем мне придётся работать? Получится ли найти у нас общий язык? Управление порядка – популярное место работы для оборотней, некоторые кланы там почти полным составом служили. А оборотни в основном славилась резким и вспыльчивым характером. Испортить отношения с коллегой-перевёртышем из-за конфликта на пустом месте было куда легче, чем подружиться.

Среди криминалистов нередко встречались ведьмы и ведьмаки. Эти открыто конфликтовали редко, зато отличались мстительностью. Как и я, кстати. Хотя я бы сказала, что мой врождённый характер ближе к оборотням. Наставник в

детстве частенько сравнивал меня с одичавшим котёнком: шума много, а толку маловато, если под когти не подставляться. Однако воспитание сделало своё дело: я стала сдержаннее, спокойнее... И изобретательнее, ага.

Ещё в Родене, в отличие от Редстоуна, было много вампиров: от чистокровных до полу-, четверть- и под-лупой-не-разглядишь-эту-каплю-кровных. У нас, на севере, вампиры почему-то не приживались. Мёрзли, наверное. В целом у них, как и у людей, не было каких-то свойственных всей расе черт характера. Зато от раненного вампира стоило удирать со всей возможной скоростью – кусают. Потом, конечно, искренне об этом пожалеют... Но вам уже будет всё равно. А ведь на службе чего только не случается...

На знакомство с дриадами или эльфами я даже не рассчитывала. Первым в отделе убийств, куда я устроилась, делать было нечего – от ауры смерти им становилось плохо. Рядом со вторыми, наоборот, плохо становилось всем остальным. Обе этих расы предпочитали жить закрытыми общинами и редко появлялись в крупных городах.

Спокойнее всего я себя ощущала рядом с гномами – невысокими, зато невероятно крепкими и сильными. И относительно дружелюбными, если их не злить, конечно. Однако если в Редстоуне гномы встречались довольно часто, то до Родена, как рассказывал наставник, представители этой расы практически не добирались. Вдали от гор они слабели, а потому предпочитали вести все дела через доверенных по-

средников, выбираясь на равнину только в самых крайних случаях.

Но кем окажутся мои коллеги? Под какие их особенности мне придётся подстраиваться? И сколько ошибок я наделаю, прежде чем разберусь, кто есть кто, и как с ними себя вести? «В лицо» можно распознать только вампира, если тот улыбнётся, но как раз у них-то характер по расе не угадать!

Под такие тревожные размышления дорога до Управления пролетела незаметно. Массивное здание, возвышавшееся над соседними на целый этаж, было заметно с любого конца улицы. На высоких ступенях, ведущих к главному входу, мелькали пятна тёмно-синих мундиров патрульных, заступивших на смену. Яркое солнце бликовало на полированных боках служебных автомобилей. Я невольно залюбовалась ими – в Редстоуне из-за близости к полуострову техномагов машин тоже хватало, но наши выглядели куда менее ухоженными. Здесь же, в столице, буквально всё дышало богатством.

И я буду здесь жить!

Перед тем, как распахнуть огромную деревянную дверь, украшенную искусной кованной решеткой, я остановилась и на всякий случай всё перепроверила. Документы – в сумке. Блузка – простая, без изысков, с пуговицами под самое горло – выглажена. Широкая расклешённая юбка – чистая, без крошек от недавно съеденного хлеба. Чулки целые, туфли блестят. Светло-русые волосы собраны в тугой высокий узел.

Всё было идеально, именно так, как учил наставник... С таким видом никто не посмеет усомниться в моей готовности приступить к работе и серьёзном к ней отношении.

Задержав дыхание от страха, я толкнула тяжёлую дверь и шагнула в новую жизнь.

Глава 3

Сориентироваться в огромном здании Управления оказалось не так уж сложно. Конопатый дежурный, представившийся Ирдисом, едва узнав, что я – не посетитель, а будущая коллега, вывалил на меня целый ворох сведений о «своём родном ведомстве». Отдел убийств, как выяснилось, занимал первый этаж левого крыла, но Р. Шантора, значившегося моим непосредственным начальником, стоило поискать в морге или лаборатории, на минус втором этаже.

Ирдис даже проводить меня порывался, уж не знаю, зачем. К счастью, очередной визитёр (на этот раз – действительно посетитель, желавший написать на кого-то жалобу) отвлёк чрезмерно дружелюбного дежурного, и я смогла уйти незамеченной. Не привыкла я к таким балаболам. В Редстоуне, если кто-то тебе широко улыбался и заговаривал зубы, нужно было покрепче держаться за кошелёк. Правда, зачем мой кошелёк дежурному Управления, я не представляла, но от смутного ощущения подвоха отделаться так и не смогла.

То, что я в столице, ощущалось даже в такой мелочи, как дорога в подвал. Чистые широкие ступени, покрытые плиткой без единого скола, свежевывкрашенные перила, ни одного перегоревшего светильника... Здание роденского Управления порядка выигрывало у редстоунского по всем пунктам.

До нужной двери я дошла, никого не встретив по пути.

Странно, я думала, в убойном отделе работает много людей. Может, все пока что сидят наверху, в кабинетах? В Редстоуне такой роскоши, как отдельное рабочее место, ни у криминалистов, ни у экспертов не было – начальство сэкономило на всём и искренне верило, что морга с лабораторией им и так достаточно. Но здесь же столица, может, здесь всё иначе?

Единственная на минус втором этаже приоткрытая дверь с выцветшей от времени табличкой «Р. Шантор. Старший криминалист» манила полоской яркого света, пробивавшейся в коридор. Осторожно заглянув в щель, я едва сдержала разочарованный вздох. Ну вот, а я-то надеялась... Если даже *старший* криминалист вынужден ютиться в подвале, мне точно не стоит рассчитывать на место в кабинете с окном.

Коротко постучав, я застыла перед дверью, ожидая разрешения войти. Не дождалась, хотя через узкую щель я видела: хозяин кабинета сидел за столом. Досчитав для порядка до десяти, я постучала ещё раз. На этот раз мне соизволили ответить.

– Что? – гнусаво возмутились изнутри. – Заходите, открыто!

Ну и что, что открыто, не вламываться же? Усилием воли погасив раздражение, я натянула на лицо вежливую улыбку, распахнула дверь и шагнула в пропахший пылью кабинет.

Р. Шантор не обратил на меня абсолютно никакого внимания.

Сгорбившись над своими записями, старший кримина-

лист Управления порядка увлечённо продолжал что-то писать. Я решила его не отвлекать — мало ли, с мысли собою — и с любопытством принялась шарить взглядом по кабинету.

Ну-у-у... для подвала тут было очень даже неплохо. Шкафы новые, стены не окрашены, а обшиты деревянными панелями тёмно-коричневого цвета, заваленный бумагами и всяким хламом стол массивный, добротный, вроде даже с ящиками. В углу — слегка потёртое кресло с низким пуфом для ног. Видно, что хозяин кабинета проводит в нём немало времени.

Разве что тесновато тут ... Но это, судя по всему, было общей бедой любого Управления независимо от города. Даже глава редстоунского филиала, с которым дружил мой наставник, не мог похвастаться просторным рабочим местом, что уж говорить о его подчинённых?

Самого Р. Шантора мастер Горран описал мне как «отличного профессионала, дотошного, внимательного к деталям, и вообще лучшего криминалиста из всех, кого он знает». Однако сидевший за столом мужчина совершенно не соответствовал образу «лучшего криминалиста», который я успела придумать в своей голове.

В данный момент Р. Шантор больше походил на нищего бродягу, чем на сотрудника Управления порядка. Мятая тёмная рубашка пестрела какими-то подозрительными жирными пятнами на манжетах, фигура горбилась, как у старика... То ли выющиеся, то ли просто нечёсанные волосы были

собраны в неаккуратный хвост, а несколько коротких прядей качались перед лицом, закрывая ему обзор. Но все эти детали меркли в сравнении с одной, главной: шнобель занятого господина оказался настолько острым и длинным, что рисковал при очередном неосторожном движении головы поцарапать стол.

И это – лучший криминалист столицы? Может, я дверью ошиблась?

Да нет, на табличке точно было написано: «Р. Шантор». Хм, тогда может это чучело тут вовсе не хозяин?

Не подозревавший о моих мыслях мужчина громко шмыгнул своим впечатляющим носом, не отрываясь от работы. Да чтоб тебя, долго я тут ещё комнатное растение изображать буду?!

Словно услышав мои мысли, криминалист наконец-то отложил перо, скривился, будто сожрал лимон, и оглушительно чихнул.

– Будьте здоровы, – пожелала я не совсем искренне.

Шантор вздрогнул, словно забыл, что он в кабинете не один. Или действительно забыл? Может, он на меня внимания не обращал не потому, что гад невоспитанный, а потому что работой слишком увлёкся?

– Ты ещё кто такая? – смерив меня подозрительным взглядом, поинтересовался Господин Старший Криминалист.

Нет, всё-таки невоспитанный. Вот так, с порога и на «ты»?

– Мастер-некромант Робин Грайс, стажёр.

Не дожидаясь просьбы, я достала из сумки папку со всеми своими документами – от дипломов до приказа, подтверждавшего моё назначение на эту, несомненно, почётную должность с сегодняшнего дня.

Шантор с непонятым выражением лица раскрыл моё удостоверение личности. Прочитал и вновь уставился на меня со смесью неверия и разочарования.

– Ты – Робин?! – откашлявшись, переспросил он.

Я молча кивнула.

– Ну, Горран, сволочь... – гнусаво пробормотал криминалист и вновь шмыгнул носом.

Его и без того вытянутое лицо вытягивалось всё сильнее, пока тот изучал оба моих образования. Диплом Роденского Университета, подтверждавший, что я успешно сдала экзамены и имею право именоваться мастером, особого удивления у Шантора не вызвал. А вот второй...

– «Пансион благовоспитанных девиц леди Розалинды Бруш?» – подняв на меня полный ужаса взгляд, почти прошептал мужчина и закашлялся.

Я уверенно кивнула, а затем, чуть подумав, присела в неглубоком книксене. Пусть видит – не зря училась!

Между прочим, этот гадюшник я закончила официально! Наставник сказал, лишняя бумажка не мешает, ну а я не стала с ним спорить. К тому же, я от души развлеклась на выпускных экзаменах, убедив своих однокурсниц, что сворую удачу любой, кто ко мне прикоснётся (перед этим самостоя-

тельно прикоснувшись к особо задолбавшим меня девицам). Коллективную истерику успокаивал весь преподавательский состав, а диплом мне вручили за день до официального выпускного с искренним пожеланием никогда больше меня не видеть.

Желание это было взаимным, так что я с удовольствием его исполнила.

Шантор ещё раз взглянул на меня, на подписанный главой Управления приказ о моём назначении и выдал тоскливое:

– Твою мать...

Нет, я, конечно, на приветственные объятия не рассчитывала, но такого приёма точно не заслужила! Что ему не нравится, а? Приличная девушка, *воспитанная* (несмотря на стойкое сопротивление этому воспитанию), образованная... Ну, неопытная пока, но я ж за опытом в Управление и пришла!

А этому, с ключом, мой диплом из пансиона не нравится!

– Мастер Горран просил передать это лично вам, – скрыв негодование, протянула я криминалисту письмо от своего наставника.

О том, что они с Шантором знакомы, я узнала только когда садилась в поезд. Не сомневаюсь, мастер смолчал специально, чтобы я не донимала его вопросами. Вот только какого демона наставник решил ради собственного комфорта ограничить меня в ценной информации, напрямую касавшейся моего ближайшего будущего, а?

Вопреки ожиданиям, письмо положение не спасло. Наоборот, по мере чтения на бледном лице всё явственнее проступало озверевшее выражение.

– Да он издевается! – взорвался криминалист и скомкал письмо в руке. Он уже замахнулся, чтобы выбросить так взбесивший его клочок бумаги, но затем бросил на меня короткий взгляд и затолкал его в свой карман.

Хм, что такого там мог написать мастер Горран?

– Жди здесь! – бросив на меня недовольный взгляд, велел криминалист и вылетел за дверь.

Кажется, с возрастом я ошиблась. Для старика он слишком быстро бегал!

Долгие минуты ожидания я попыталась скрасить, изучая чужой кабинет. Начала со стола – интересно же, чем мой новый начальник так занят был! Попастся я не боялась: в тишине подвального этажа чужие шаги разносились по коридору гулким эхом, так что о возвращении Шантора я узнаю задолго до того, как он дойдёт до собственной двери.

Многочисленные бумаги оказались отчётами. Осмотр места преступления, исследование улик, осмотр тела ... Все датированы вчерашним числом. Количество впечатляло: сопоставив детали, я насчитала шесть преступлений. Но больше всего меня насторожили отчёты о вскрытии. С какой стати этим занимался криминалист? Это же моя, то есть некроманта, ну или судебного эксперта, работа!

Помимо бумаг на столе обнаружили две чашки – обе с

остывшим, но недопитым чаем, подсохшая половина лимона на блюде – так и знала, он его жрал! – и скомканное грязное полотенце. Если еде и напиткам я не сильно удивилась, то полотенце громче любых слов намекало: мой новый начальник – та ещё свинья.

Вернулся Шантор быстро – всего минут через двадцать, так что изучение чужой обители пришлось отложить на неопределённый срок. Ну да ничего, я обязательно найду время, чтобы изучить каждый уголок его кабинета! Опыт общения с мастером Горраном подсказывал – о тех, от кого зависит твоя судьба, нужно знать как можно больше.

Хотя бы чтобы своевременно подсунуть горячий бутерброд с любимыми копчёными колбасками. На сытый желудок ругаться обычно уже не тянет.

– Значит так, – недовольно скрестив руки на груди, объявил Шантор. – Отправляйся в архив и изучай всяки нашего отдела. Архивариуса я предупредил, тебя ждут.

– Зачем? – не успела я вовремя прикусить язык.

Внутри, требуя выхода, вскипел гнев. Меня! В архив?! Я – некромант, я должна осматривать тела и выявлять причину смерти! Я не для того, училась столько лет, чтобы протирать зад, читая о чужих недоработках!

– Затем, что я приказал! – рявкнул криминалист, напоминая: передо мной не наставник. Здесь лучше не спорить, чтобы не нарваться в первый же день... Я внутренне сжалась, ожидая неминуемой взбучки, однако Шантор закрыл глаза,

глубоко вздохнул и соизволил объяснить, сбавив громкость, но зато добавив в голос язвительности: – Я вторые сутки на ногах. У меня нет ни сил, ни желания водить тебя за ручку по Управлению как маленькую. Поэтому я сейчас закроюсь здесь и буду спать, пока кого-нибудь снова не убьют. А ты в это время займёшься полезным делом.

К концу отповеди тон мужчины стал преувеличенно мягким, будто он говорил с ребёнком... или буйной умалишённой. Не могу сказать, какой вариант задевал меня сильнее.

– Висяки не закрывают, расследование по ним лишь временно приостанавливают в надежде, что со временем появятся новые улики. Но ты эти улики не распознаешь, даже если тебе их сунут под нос, если не будешь знать о сути открытых расследований. Поэтому – вперёд и с песней. Заодно посмотришь, как выглядят наши отчёты. Тебе их тоже предстоит писать. Поняла?

Я, опустив голову, кивнула. Ну и влипла...

– А раз поняла, что стоишь? – вновь взорвался Шантор.
– Марш в архив!

Из кабинета я вылетела пулей. Дверь за спиной захлопнулась, приглушив недовольное бурчание начальства, почти сразу перешедшее в раскатистый храп. С таким носом – не удивительно!

Мысленно пожелав Р. Шантору – криминалист так и не соизволил по-нормальному представиться – побольше кошмаров, я поплелась наверх, к Ирдису, выяснять, где в Управ-

лении находится архив.

Зашибись первый рабочий день начался.

*

Опять подвал, ну кто бы сомневался! Чтобы попасть в архив, мне пришлось подняться с минус второго этажа левого крыла здания, пересечь парадный зал, расположенный в центральном (ну или переднем, кому как удобно) крыле, и спуститься по лестнице, ведущей на минус первый этаж правого крыла.

Посмеявшись над моим выражением лица – кажется, мне понадобится карта не только Родена, но и цитадели Управления порядка! – Ирдис сжалился и дал совет на будущее: между крыльями огромного здания-колодца быстрее перемещаться через внутренний двор. Заодно и воздухом смогу подышать, на небо посмотреть... Рыжий язва ещё с прошлого разговора запомнил, что направлению в подвал я не обрадовалась!

К счастью, в архиве оказалось не так уж плохо. Тесновато, разумеется, но чисто, светло и уютно. Следила за порядком здесь госпожа Амелия Лоранс – женщина молодая, спокойная и неболтливая. Показав, где хранятся нужные мне материалы, госпожа Амелия вернулась за собственный стол, раскрыла огромную толстую книгу и погрузилась в чтение, оставив меня наедине с моим заданием.

Изучать чужие расследования оказалось интереснее, чем я думала. В папках с нераскрытыми делами хранились не

только сухие, содержащие исключительно подтверждённые факты отчёты, но и неофициальные заметки с догадками, наблюдениями и предположениями. Особенно меня порадовала приписка в одном из таких черновиков:

«Убийца – садовник (зачёркнуто) дочь потерпевшей. Кто сумеет доказать её сговор с приходящим садовником и опровергнет алиби, тому проставлюсь любым коньяком на выбор! Р. Горран»

Подобные заметки писали по ходу расследования и следователи, и криминалисты. Точнее, почти всегда – один криминалист. Из пяти просмотренных мной папок в трёх были заключения от Р. Шантора. Он что, один тут работает?!

Или Шантор единственный, за кем остаются всяки? Хм, да нет, не мог меня мастер Горран так обмануть.

Количество нераскрытых преступлений, числившихся за отделом убийств, впечатляло. Однако когда я не выдержала и обратилась к госпоже Амелии с вопросом: «Почему так много?», архивариус усмехнулась и отвела меня в отдельную комнату, полную стеллажей, до самого потолка забитых документами по делам раскрытым. Кажется, убийства – основной досуг жителей Родена. В Редстоуне криминальных трупов точно было меньше!

Стоило мне вернуться к столу и вчитаться в материалы очередного нераскрытого расследования, как в архив явился Шантор.

– Подъём, зелень, – с порога заявил он. – Работа ждёт,

некогда прохладиться!

И это говорит мне человек, в начале смены завалившийся спать! Хотя отдых явно пошёл криминалисту на пользу. Голос перестал гнусавить – никак лимон животворящий помог – а синяки под глазами больше не соперничали цветом с рубашкой. Одежда оказалась свежей и чистой, а длинные чёрные волосы (всё-таки они были не расчёсаны!) слегка блестели от влаги.

Отлично, значит душ в роденском Управлении точно где-то есть. Работа как криминалиста, так и некроманта бывала грязной, и возможность отмыться – не бонус, а насущная необходимость. Хотя в Редстоуне душ в Управлении вечно был то сломан, то занят!

За быстрым шагом начальника я поспевала с трудом. Громким, буквально ввинчивающимся в уши голосом Шантор вещал о правилах поведения на месте преступления: туда не ходить, сюда не наступать, руками без спроса ничего не трогать, старших не перебивать, в обмороки не падать... На этом пункте я споткнулась от удивления и повнимательнее посмотрела на выдавшего подобную чушь начальника. Я? В обморок? Он за кого меня принимает?

Начальнику на моё негодование оказалось глубоко фиолетово – он просто не заметил остановки и ушёл вперёд, увеличив расстояние между нами до десятка шагов.

На слышимость инструкций это почти не повлияло.

Мысленно пообещав себе, что уж теперь-то обязательно

покажу всё, на что способна, я бросилась догонять криминалиста. Такой гад ждать не будет, точно воспользуется шансом и уедет без меня!

*

Моё первое место преступления оказалось всего в двух кварталах от арендованной квартирки. Шантор остановил автомобиль рядом с парой служебных машин патруля и уверенно направился к шумному, полному людей рынку, совершенно не переживая, что я могу отстать.

Так, ещё одна хорошая новость – теперь я знаю, где можно купить продукты. Плохая – тут убивают. Надеюсь, не слишком часто.

Криминалист уверенно прокладывал путь сквозь толпу людей, которые то ли не подозревали о трупe поблизости, то ли им было наплевать. Со всех сторон слышался гомон, крики, звон монет и, периодически – громкая ругань. Было так похоже на Редстоун, что я даже на секунду забыла: я-то нахожусь в столице!

Чтобы угнаться за начальником, пришлось всерьёз поработать локтями. Без цеплявшегося якорем чемодана у меня получалось почти сносно – всего-то пару раз кому-то на ноги наступила. Однако, чем глубже мы заходили в торговые ряды, тем плотнее держались напряжённые спины, громче любых криков говорившие: там, впереди, что-то случилось!

Шантор, мрачно ругнувшись, ускорился и прорезал толпу, как нож масло, безжалостно расталкивая всех, кто ока-

зался у него на пути. Я попыталась проскользнуть следом в образовавшуюся щель, но не успела. Спины сомкнулись, не дав мне сделать всего-то один последний шаг! Проклятье!

Я неловко дёрнулась вперёд, но зеваки, не смевшие наступать под демонстративно покачивающиеся дубинки в руках патрульных, набились между крытыми ларьками так плотно, что любое движение давалось мне с трудом.

От необходимости позорно звать на помощь меня спас, как ни странно, Шантор. Криминалист словно почуял, что чего-то (то есть кого-то) за его спиной не хватает, обернулся, недовольно закатил глаза, схватил меня за запястье и на удивление сильно дёрнул на себя, вырвав из неласковых объятий толпы.

Кое-как просипев благодарность – лёгкие слишком радовались возможности вдохнуть и тратить драгоценный воздух на разговоры отказывались – я разгладила руками помявшуюся в давке юбку и обернулась.

Зря. Напряжённые, недовольные и откровенно враждебные взгляды столпившихся людей тянулись ко мне со всех сторон. Натренированная со времён приюта чуйка буквально взывала об опасности. Среди первых рядов зевак не оказалось ни одной женщины. Только мужчины: крепкие, широкоплечие, без стариков и юнцов, чем-то неуловимо друг на друга похожие...

Поёжившись, я отвернулась и поспешила догнать опять рванувшего вперёд начальника.

В Редстоуне, кажется, было поспокойнее!

Глава 4

До самого места преступления пришлось идти ещё минуты две – патрульные перестарались и оцепили уж очень обширную территорию. А может так было сделано специально. Вдоль позвоночника до сих пор то и дело пробегали мурашки, стоило вспомнить тяжёлые взгляды стоявших за оцеплением мужчин.

Не-ет, простые зеваки так себя не ведут. Тут что-то другое.

Шантор проигнорировал валявшийся у одного из прилавков труп и направился к стоявшему в стороне мужчине – явно следователю, выделявшемуся на фоне посетителей рынка неприлично дорогим костюмом. Хотя, может так просто казалось, в ценах на мужскую одежду я не разбиралась, но светлыми, идеально выглаженными брюками со стрелками и кристально-белой рубашкой здесь больше никто не мог похвастаться.

Я слегка замедлила шаг и постаралась охватить взглядом как можно больше деталей. Рыбный ряд, запах – соответствующий, некоторые столы перевёрнуты, а упавший с них товар валяется под ногами. Над успевшими покрыться пылью безголовыми выпотрошенными тушками вились жирные мухи. Труп невероятно тучного мужчины лежал в самом эпицентре разгрома, неестественно прислонившись к огром-

ной бочке, в которой что-то плескалось.

С противоположной стороны патрульный пытался оказать первую помощь ещё одному мужчине – живому, но избитому. Из рассечённого лба на лицо лилась кровь, которую тот совершенно бестолку пытался вытереть замызганным рукавом. Правая рука висела плетью и, кажется, была вывихнута в плече. Но больше всего моё внимание привлекли широкие давно потерявшие цвет брюки на подтяжках, подвёрнутые практически до колен. Запоздало я поняла: толпившиеся за оцеплением люди показались мне похожими именно из-за их одежды, одинаково странной и равномерно грязной. Избитый мужчина точно был из той же компании.

Под настороженными взглядами патрульных я уверенным шагом направилась к Шантору и его коллеге. Вблизи тот оказался довольно симпатичным блондином, разве что с гелем для волос немного перестарался. Отвлекать на себя внимание я не собиралась – хотела просто послушать, о чём они говорят. Да и приказ непосредственного начальства «иди за мной» никто не отменял.

Следователь, однако, решил по-своему. Запнувшись на полуслове, он улыбнулся, показав милые ямочки на щеках и удивлённо прищурил голубые глаза. Изучающий взгляд обшарил меня с ног до головы, неприлично долго задержавшись в районе груди.

Симпатии к блондину резко поубавилось. Что он там надеялся найти?

Нет, всякие женские округлости в нужных местах у меня присутствовали несмотря на то, что откормить меня до приличного состояния мастер Горран так и не сумел. Наставник частенько сокрушался, глядя на мои торчащие ключицы, выступающие рёбра и тонкие – того гляди переломятся – запястья, что для *взрослой девушки* я неприлично костлявая.

Хотя к мастеру под опеку я попала в куда более плачевном состоянии. За несколько лет почти беззаботного детства, когда всё свободное время я проводила на улице в компании мальчишек, мои кости обросли довольно-таки сильными мышцами, и я перестала напоминать ходячее пособие по анатомии. Однако несмотря на все старания наставника, дальше прогресс так и не пошёл, так что иллюзий на свой счёт я не питала. Не на что там пялиться!

К тому же, как говорил мастер Горран, *приличные мужчины* при встрече должны смотреть девушке в глаза. А этот что себе позволяет?

– Рок, ты собираешься нас представить? – поинтересовался не подозревавший о моих мыслях блондин.

Я украдкой фыркнула. Ага, как же, Шантор даже сам представиться не соизволил. И что это за имя – Рок? Явно сокращение, но полную форму я не представляла.

Криминалист решил меня удивить.

– Робин Грайс, мастер-некромант и моя стажёрка, – преувеличенно любезно произнёс он. – Грайс, позволь представить тебе следователя отдела убийств, детектива Кристиана

Гордона, – гораздо суше добавил Шантор.

Я выдавила улыбку и протянула следователю руку для пожатия. Детектив Гордон окинул меня ещё одним оценивающим взглядом, приветливо улыбнулся и попытался запечатлеть на моей кисти поцелуй.

Руку я отдёрнула в последний момент. Совсем ненормальный, что ли? Даже если забыть про то, что в данных обстоятельствах это совершенно неуместно, я – некромант! Мало ли что я по пути сюда трогала!

Гордон недовольно дёрнул щекой, однако любезное выражение на лице удержал. Шантор же, развернувшись ко мне, подозрительно ехидно оскалился и добавил:

– Перед тобой, Грайс, рекордсмен Управления по количеству любовниц среди сотрудниц.

А-а-а, это многое объясняло. Детектив явственно скрипнул зубами, но мой начальник останавливаться не собирался. По мере перечисления «достижений» улыбка сползала с лица следователя, как мыльная пена под струёй воды.

– Дважды рекордсмен отдела по количеству дел, возвращённых судом на дорасследование. Трижды женат, дважды разведён. Виола тебя ещё из дома не выперла? – пакостно ухмыльнувшись, поинтересовался криминалист у зло сощурившегося Гордона.

– Не раньше, чем тебя, козла, из Управления ссаными тряпками погонят, – выплюнул тот.

Шантор несколько не оскорбился и в фальшивом сочув-

ствии покачал головой.

– Бедная девочка, не видать ей покоя...

– С каких пор тебя в няньки разжаловали? – грубо попытался перевести тему Гордон.

Крепкое слово, готовое сорваться с языка, я удержала, но обиду на всякий случай запомнила. Таких, как этот белёсый – любезных ровно до тех пор, пока им планы не обломают, я не любила особенно.

Шантор с его воплями и неприкрытым недовольством выглядел честнее.

– Не твоё дело, – неприязненно зыркнув исподлобья, ответил криминалист. – И запомни. Пока Грайс – моя стажёрка, отвечаю за неё я. Полезешь к ней, как обычно, и я тебе собственными руками яйца оторву.

– А после стажировки можно что ли?

Оба мужчины с недоумением уставились на меня. Упс, я это вслух сказала?

– После стажировки ты будешь уже не моей головной болью! – скривился Шантор.

Что за человек! Я только-только нашла в нём что-то хорошее! Парочка подходящих случаю изощрённых ругательств прямо-таки рвалась наружу, но я вновь сумела сдержаться – *воспитанные леди не выражаются!*

Гордон хмыкнул и, дождавшись, когда криминалист отвернётся, кивнул в его сторону головой, а затем изобразил, как вешается на невидимой петле.

Очень хотелось согласиться, но, во-первых, о начальстве плохо не говорят, а во-вторых, сам следователь после короткого знакомства не нравился мне куда больше. Криво улыbnувшись Гордону – нарываться на ссору не хотелось, всё-таки, нам работать вместе – я лишь неопределённо пожалала плечами и поспешила за направившемся к труп у Шантором.

По-моему, эти двое друг друга стоили. Лишь бы весь отдел не оказался им подобен, иначе я не выдержу.

Шантор склонился над телом, как изучающий добычу ворон: выступающий нос и чёрная одежда добавляли ему сходства с этой птицей. Носком блестящего лакированного ботинка (тоже чёрного, кто бы сомневался) он отбросил в сторону лениво трепыхавшуюся под ногами рыбину. Наконец осмотрев труп со всех сторон, но так ни разу к нему не прикоснувшись, Шантор выпрямился, обвёл пространство вокруг цепким взглядом и пальцем поманил одного из патрульных, выделявшегося на фоне остальных особенно потрепанн ым видом и наливавшемся под глазом фингалом.

– Лоуренс! – рявкнул на него криминалист, хотя тот и так уже шёл к нам. Однако Шантору было на это плевать. – От тебя вызов пришёл?

Патрульный, в отличие от моего начальника, орать через половину рынка не стал. Подойдя к нам чётким уверенным шагом, Лоуренс одёрнул порванный по шву тёмно-синий форменный мундир и угрюмо кивнул:

– От меня.

– Расскажи тогда, что здесь было, – на удивление спокойно попросил Шантор. – А то от этого позёра не дождёшься...

Лоуренс бросил короткий взгляд на Гордона, приступившего к опросу свидетелей (или подозреваемых? Кто их разберёт, когда вокруг столько народу?), едва слышно хмыкнул в усы и доложил:

– Погибший – Карлос Гойн, владелец большей части лавок в этом ряду. Скупал улов у рыбаков, что получше – поставлял в городские магазины, что похуже – перепродавал здесь, на рынке. А вон тот голубчик, – указал Лоуренс на избитого мужчину, – староста рыболовной артели, Маркус Оллинс. Из-за чего эти двое повздорили, не знаю. Я подоспел, когда Оллинса торговцы всей толпой избивали. Едва успел подмогу вызвать, а тут явились товарищи Оллинса. Ещё б минута, и был бы у нас не один труп, а драка стенка на стенку...

Рыболовные причалы, насколько я помнила по карте, были примерно в часе-полтора от этого рынка. Надо будет на выходных прогуляться в ту сторону. Я слышала, Нежа настолько широка, что с одного берега не увидать другой. Вот бы своими глазами на это посмотреть!

– Гойн к тому моменту был уже мёртв? – нахмурился Шантор.

Усилием воли я выбросила из головы лишние мысли и вновь сосредоточилась на разговоре. Лоуренс кивнул.

– Оллинса избивали вроде как за его убийство, но что там на самом деле было – не знаю. Говорят, они оба ругались и

руками размахивали, потом Гойн рухнул, а торговцы, сообщив, что к чему, убийцу «задержали». Ну и немного помяли в процессе, – хмыкнув, добавил патрульный.

– Понял, спасибо, – кивнул криминалист. Надо же, я думала, он таких слов не знает! – Зелень, твоя очередь, – указал он мне на труп. – Иди, работай.

– Я ж вам объясняю, нерест у белуги... того, закончился! – внезапно отвлёк нас недовольный голос.

Мы с Шантором одновременно обернулись. Гордон стоял в паре шагов от вымазанного кровью рыбака и, кажется, был озабочен не столько словами мужчины, сколько чистотой собственных брюк. Во всяком случае подойти ближе к сидевшему в грязи подозреваемому он даже не пытался.

– Рыба тощая, как ш... девки в дрянном борделе, одни кости торчат, а я-то что могу с этим сделать? – активно жестикулируя здоровой рукой, гневно продолжил Маркус Оллинс. Попытки сдерживать мат при слугителе закона вызвали невольное уважение. – Так этот хмырь заявил – за такое... дерьмо платить не будет!

Рыбак сплюнул кровью под ноги отшатнувшемуся следователю.

– Я ему говорил: уговор есть уговор, так не делается. Мы ради его заказа от других отказались, только белугу брали. Две бочки наловили! – скривился Оллинс. – Последних успели собрать, а Гойн в отказ пошёл. Разорался, что наш улов даже кошки жрать не станут, одни убытки. Ну, я послал

его в... по матушке. Но руками не трогал, говорю, нечего на меня это... вешать!

Рыбак в знак своей невинности продемонстрировал грязные, покрытые ссадинами и кровью руки и вновь с досадой сплюнул.

– Сам он окочурился, понятно?! – недовольно зыркнув на следователя, добавил он. – Закашлялся, захрипел и рухнул! А эти, – кивнул Оллинс куда-то в сторону, – сразу накинулись, разбираться не стали!

– Наслушалась? Отдохнула? – подозрительно ласково поинтересовался Шантор.

Упс, я же не специально... Не дожидаясь очередного окрика, я склонилась над телом точно так же, как недавно криминалист. Так, что тут у нас?

Видимых повреждений на мужчине не было, следов крови – тоже. Судя по отсутствию следов ботинок, «задержание» Оллинса и последующая драка удачно сдвинулись в сторону, оставив главную улику – тело – нетронутым. Губы и кончики пальцев погибшего оказались синюшного оттенка, вокруг рта и носа засохла пена... Я потянулась к векам, чтобы посмотреть на зрачки, но на полпути остановила руку и подняла взгляд на нависшего над душой криминалиста.

– Ещё раз увижу тебя на выезде без рабочего чемодана – отправишься домой с выговором в личное дело, – недовольно заявил он и протянул мне перчатки.

Рвущийся наружу посыл по далёкому адресу мне удалось

сдержать. Проклятье! А слабо было показать мне, где этот чемодан лежит?! О службе в Управлении стараниями мастера Горрана я знала немало, так что не сомневалась – где-то в отделе меня дожидался весь необходимый служебный инвентарь, и перед началом работы я с ним обязательно должна воссоединиться.

Доказывать промах начальства я не стала – не до того было. Всё своё внимание я обратила на жертву. Если облажаюсь с осмотром, Шантор точно воспользуется этим как поводом меня выгнать. Сложно было не заметить – появление стажёра криминалиста не обрадовало. Как бы нарочно не начал подставлять... Или уже начал? Сам же меня в архив сплавил, чтоб я ему спать не мешала, и сам же на вызов потащил, не вспомнив про чемодан!

Зрачки у жертвы оказались расширенными. Расстегнув рубашку, я убедилась, что повреждений и гематом на груди и животе нет, зато кожа по цвету напоминала бело-голубой мрамор. Теперь бы понять, чего от меня ждёт Шантор: причину смерти или чтобы я выложились по полной и показала, на что способна как некромант?

– Поднять или?... – неуверенно я спросила начальника.

Согласно протоколам, допрос трупа – вовсе не обязательная процедура при расследовании. Здесь и сейчас повод обращаться к своему дару я не видела, причина смерти казалась очевидной. Разве что вскрытие покажет что-нибудь неожиданное...

– А без магии ты на что-нибудь способна? – приподняв бровь, высокомерно поинтересовался Шантор.

Я сделала глубокий вдох и попыталась убедить себя, что убийство начальника пройти стажировку не поможет. Хотя, если качественно спрятать тело...

Поднявшись в полный рост и выпрямив спину – отчитываться, сидя у ног криминалиста, было выше моих сил – я отчеканила:

– Предварительный вывод: остановка сердца как результат хронической сердечно-лёгочной недостаточности. У жертвы наблюдаются признаки отёка лёгких и застоя крови. Внешнее состояние организма позволяет предположить длительное и неблагоприятное течение болезни, приведшее к смерти. Для подтверждения необходимо вскрытие.

По лицу криминалиста было не понять, согласен он с моими выводами или нет. Всё время, пока я говорила, он буравил меня своим тёмным колючим взглядом. Когда я закончила, Шантор ещё несколько секунд молча пялился, словно ожидал от меня чего-то ещё, но я точно знала – в условиях осмотра на месте всё, чем я могу поделиться – мои предположения, которые до официального вскрытия никакой силы для следствия не имеют.

Наконец криминалист неохотно кивнул и махнул рукой стоявшему неподалёку Лоуренсу.

– Отправляй тело в морг, – велел он. – Здесь мы закончили.

Вскрытие я вновь проводила под молчаливым наблюдением Шантора. Чужой взгляд больше не смущал – мастер Горран тоже предпочитал сначала дать мне закончить работу, а уже затем долго и подробно перечислять мои ошибки. Однако наставнику я доверяла и точно знала: ругаться он будет исключительно по делу. А вот чего ждать от своего нового начальника, я не представляла.

Причина смерти из предположительной стала подтверждённой. Все признаки, все изменения во внутренних органах Карлоса Гойна словно сошли с иллюстраций учебника. Можно было писать заключение, просто бросив взгляд на «внутренний мир» нашей жертвы, однако я кропотливо изучила каждый орган, сделала замеры и вслух – специально для Шантора – проговорила всё, что обнаружила. Увеличенное сердце, забитые сосуды, асцит, огромная крапчатая печень, тяжёлые отёчные лёгкие, на срезе которых выступила пенящаяся жидкость...

Завершив работу, я зашила тело, сложила инструменты в специальный контейнер, привела в порядок рабочее место и лишь затем обернулась к стоявшему над душой начальнику в ожидании новых указаний. С этим делом у меня всё, а если нужно что-то ещё, пусть сам скажет!

Пауза затянулась. Наконец Шантор прокашлялся, глубоко вздохнул и объявил:

– Напишешь подробный отчёт и положишь мне на стол, –

велел он. – И можешь быть свободна.

Так и не сказав ничего по поводу моей работы, криминалист вышел из морга, не забыв на прощание хлопнуть дверью. Тьфу, а не человек! Без него, казалось, даже дышать стало легче. Ужас, к кому наставник меня отправил?

Зато если уйду пораньше, может, успею зайти на рынок за едой? Магазины работали дольше, но там всё будет дороже, а мне нужно экономить. Зарплата ещё не скоро, а с таким начальством шансы её дожидаться снижались с каждым часом!

Из коридора сквозь прикрытую дверь донесся стихающий звук шагов. Я осторожно выглянула и убедилась: Шантор изволил свалить! Отлично, этого-то мне и надо... С начальством, конечно, не спорят, но я и не собиралась. Велели мне написать отчёт? Так я напишу. От меня же не требовали делать это в морге, в свете тусклых ламп, скособочившись за шатающимся и будто бы погрызенным столом?

Собственного кабинета мне не выделили, а раз так – займу временно чужой. Хозяин против не будет, это точно. Сложно противиться тому, о чём не знаешь!

К кабинету Шантора я прошла уверенным быстрым шагом. Нет, это был не бег! И оглядывалась я просто так, коридор запоминала, вот! Да и в конце концов, после такого дня я заслужила возможность написать отчёт в комфорте!

Ага, как же, размечталась... Начальник-то ушёл, а его бардак остался. Будет сложно воспроизвести его в точности, чтобы Шантор ничего не заподозрил... Ну да ладно, я и не с

таким справлялась. Переложив в сторону хаотично разбросанные отчёты (и предварительно запомнив, что и где лежало), я освободила себе немного места в центре стола. Как раз лист бумаги поместится: тесновато, но работать можно. Разгребать весь бардак я не рискнула – потом точно не верну, как было.

Приятным сюрпризом оказалось обнаруженное под зава-лами самозаправляющееся перо: артефакт, недорогой для столицы, но не для девушки из провинции. Моё перо тоже отлично справлялось с письмом в любых условиях, но заправлять его надо было вручную, рискуя залить чернилами себя и всё вокруг, так что я без колебаний вооружилась артефактом Шантора. Чернила – казённые, не обеднеет, а своими руками (и чужим столом) я рисковать, пожалуй, не буду.

И обязательно постараюсь купить себе такой артефакт. На чём бы ещё денег сэкономить, чтобы на всё хватило...

Я уже собиралась приступить к отчёту, когда мой взгляд упал на часы. До конца рабочего дня оставалось всего двадцать минут! Как так-то?! Мысленно перечислив все события сегодняшнего дня, я застонала уже вслух. Ну конечно! Сначала архив, потом выезд, долгое кропотливое вскрытие... С чего я вообще взяла, что Шантор решил отпустить меня раньше? Разве это на него похоже?

Как обидно-то... А ведь отчёт минимум час писать! Вот и ушла пораньше, вот и зашла на рынок... Я сегодня ещё не обедала, а при таком раскладе могу и без ужина остаться!

Ну уж нет, если подобное случится, Шантора ждут неприятности. Какие – не знаю, но обязательно придумаю. Никто не сможет издеваться надо мной безнаказанно!

